

Александр
БЛОК

Сочинения

Александр Александрович Блок

Вечера «искусств»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3259995

Аннотация

«Петербургский литературный сезон со всеми своими довольно однообразными подробностями начался. Начались и литературные вечера – одна из самых зловредных подробностей. Пусть с осени все как будто обновляются, как будто набираются свежих сил и начинают мечтать о всяких реформах, – так случилось и этой осенью с литературными вечерами...»

Александр Блок

Вечера «искусств»

Петербургский литературный сезон со всеми своими довольно однообразными подробностями начался. Начались и литературные вечера – одна из самых зловредных подробностей. Пусть с осени все как будто обновляются, как будто набираются свежих сил и начинают мечтать о всяких реформах, – так случилось и этой осенью с литературными вечерами. Вот прошлой зимой свирепствовала литературно-музыкально-вокальная эпидемия: все залы нарахват, решительно, куда ни сунься, – декламируют, поют и играют; а теперь, по слухам, нам угрожает иное: о вечерах обыкновенных и даже о вечерах стилизованных слышно редко, зато повсюду затеваются постановки одноактных пьес, и, судя по именам руководителей, которых называют, можно ожидать, что театрально-литературно-вокально-музыкально-балетно-художественная деятельность будет пользоваться успехом и примет характер столь же эпидемический.

Одноактные пьесы сочиняются, труппы набираются, художники заседают, а некоторые предприятия уже пущены в ход и явили стилизованным барышням «убогую роскошь своего наряда». Однако от реформ, даже и в этой области, мы что-то не ждем нового. Что прошлая зима, что будущая, –

не все ли равно?

На одном из реформированных представлений под названием «Вечер северной свирели» мне привелось быть. Можно было бы рассказать обо всем, что происходило там, очень забавно, но, право, как-то не хочется рассказывать; и не потому, что в таком рассказе нет ничего поучительного, – о, напротив! Зрелище было даже чрезмерно поучительное; но ведь, если начнешь рассказывать об одном стилизованном вечере, отчего не рассказать и о сотне других, невольным свидетелем или участником коих был сам? Правда, в «Вечере северной свирели» было кое-что уже выходящее вон из ряда по неприличию и внутреннему уродству, нечто вопиющее и требующее литературной кары; но об этом хотелось бы говорить иначе и по другому поводу; а в общем, вечер был не хуже и не лучше всех подобных ему бывших и будущих вечеров очень плохие актеры играли очень плохую пьесу, читал Ремизов и поэты – Городецкий и Рославлев, певица пела; почему все это происходило у забора, над которым торчала пароходная труба, остается неизвестным, но разве есть в мире мудрец, который разрешит мне, что обозначали некоторые декорации даже в театре Коммиссаржевской, например в «Пеллеасе и Мелисанде»?

Итак, «Вечер северной свирели» был, в общем, как все вечера, и, сказав о нем несколько слов, я сказал обо всех вечерах, ему подобных; то же убожество, та же ненужность; писатели, почти без исключений читать не умеющие, читающие

вяло, нудно, в нос, монотонно, скучно, читающие тем хуже, чем больше их внутреннее содержание (исключений очень мало); публика, состоящая из людей, которым все все равно, и из молодежи; а молодежь не особенно многочисленная, посещающая такие вечера, разделяется теперь, как известно, тоже на два лагеря: одним – подавай гражданские мотивы; если поэт прочтет скверные стихи с «гражданской» нотой – аплодируют, прочтет хорошие стихи без гражданской ноты – шипят (эта группа, по моему глубокому убеждению, – *лучшая* часть публики, посещающей вечера нового искусства); другая группа – со стилизованными прическами и с настроениями, но о ней говорить я уж лучше не стану, чтобы не сказать чего-нибудь очень неприятного по ее адресу.

Такова большая часть слушателей и зрителей. Несмотря на всю разнородность состава, она связана между собою, пожалуй, еще чем-то, кроме *стадного* инстинкта, который развивается весьма успешно при всех зрелищах «дурного тона» (тогда как зрелища истинно-прекрасные и гармоничные развивают, как известно, инстинкты *общественные*). Это «что-то» сверх стадности – есть *любопытство*. Оно-то и заставляет, главным образом, посещать вечера нового искусства, где можно рассматривать со всех сторон – и на сцене и в зале – литераторов и актеров.

Все соображения, высказанные сейчас, дались мне путем очень неприятного и слишком продолжительного опыта, ибо я сам не раз читал на вечерах «нового» и не нового искус-

ства, с благотворительной целью и, увы! даже без оной, читал «с успехом» и без успеха, с шиканьем и с аплодисментами, — но всегда и всюду уносил чувство недовольства собою, чувство досады от нелепо и уродливо проведенного вечера; мало этого, всегда было чувство, как будто я сделал что-то дурное, и теперь, когда я понял окончательно правдивость этого чувства, я считаю долгом сказать несколько слов о смысле и возможных последствиях современных литературных вечеров.

На все мои соображения мне могут возразить по существу только одним словом: *благотворительность*. Кто же в самом деле, кроме людей, обладающих развитием гимназиста третьего класса (впрочем, среди современных «эстетов» есть и такие), станет доказывать мне серьезно, что хоть один из вечеров искусства не затоптал в грязь этого несчастного нового искусства, не был увесистой пощечиной всякому художнику, независимо от того, сидели писатели во мраке за грязной скатертью-модерн, перед плюгавой канделяброй, или слонялись они по сцене вдоль всяких пошлых фортепьян при ярком, сальном и гладком электрическом свете? Если не было «модерна» внешнего (который в наши дни почти без исключения есть синоним уродства), то был еще гораздо худший «модерн» внутренний, то есть дилетантство, легкомыслие, хулиганство, неуважение к себе, к искусству и к публике, то есть все то, что в итоге дает атмосферу пошлости и вульгарности.

Со всем этим художник не может не согласиться. Но, возражают мне, есть же случаи, когда можно спрятать в карман свое собственное, даже художническое, самолюбие; и такие случаи налицо именно тогда, когда рабочий, студент, курсистка приходят звать участвовать на вечере и приводят самые простые, реальные и несомненные доводы, как, например, то, что литературный вечер есть легкое средство доставить возможность есть и пить людям, может быть умирающим с голоду. Кажется, такой довод неотразим, кажется, отказаться невозможно; как будто простой *гражданский долг* обязывает участвовать на вечере с благотворительной целью, кто бы его ни устраивал, хотя бы сам г. Вавич декламировал там стихи из своей книги «Зажженные бездны» или г. Григорий Новицкий пел куплеты из «Ночи любви» (впрочем, извиняюсь, я немного спутал, но поправлять как-то рука не поднимается); кажется, идти на такой вечер так же необходимо, как необходимо *не* идти на вечер без благотворительной цели, как необходимо не пропагандировать «нового искусства» в столицах или в провинции; и, однако, я должен сознаться, что считаю в наше время вредным участие на вечерах *далее благотворительных*: и утверждаю, хотя многие останутся недовольны мною, что, по моему убеждению, если что запрещает, действительно, участвовать на каких бы то ни было современных литературных вечерах, так это как раз *гражданский долг*.

На днях один писатель (не моего поколения) рассказы-

вал мне о прежних литературных вечерах; бывали они очень редко и всегда отличались особой торжественностью. Нечего и говорить о том, почему был прав Достоевский, когда с эстрады «жег сердца людей» «Пророками» Пушкина и Лермонтова. Это было торжество неслыханное, – и разве можно было не запомнить такого «явления» Достоевского «народу» на всю жизнь? Но почему потрясали сердца: Майков со своей сухой и изящной декламацией, Полонский с торжественно протянутой и романтически дрожащей рукой в грязной белой перчатке, Плещеев в серебряных сединах, зовущий «вперед без страха и сомненья»? Да потому, говорил мне писатель, что они как бы *напоминали* о чем-то, будили какие-то уснувшие струны, вызывали к жизни высокие и благородные чувства. Разве есть теперь что-нибудь подобное, разве может быть? Из моих личных впечатлений есть разве одно подобное: это – когда Н. А. Морозов читал свои стихи – тоже плохие, конечно, еще гораздо хуже плещеевских. Но когда он читал их, я слышал, что он хотел передать ими слушателям, видел, по приему и по лицам аудитории, что ему удалось это, – и готов был сказать (как и теперь готов), что стихи Н. А. Морозова не только можно, а, пожалуй, и нужно читать на литературных вечерах, стихи же любого из новых поэтов читать не нужно и почти всегда – *вредно*.

Вредно потому, что новые поэты еще *почти ничего не сделали*; потому, что нельзя приучить публику любоваться на писателей, у которых нет *ореола общественного*, которые

еще не имеют права считать себя потомками священной русской литературы; вредно потому, что нельзя приучать публику к любопытству насчет писателей в ущерб любознательности насчет литературы; вредно потому, что *большинство* новых произведений (исключая бесчисленные фабрикации и подделки) недоступно большой публике, и она *права*, когда чистосердечно *ничего не понимает*; вредно потому, что все это, вместе взятое, порождает атмосферу не только пошлости и вульгарности, – хуже того: вечера нового искусства в особенности, а также все остальные, примыкающие к ним, по нашим временам, очень тесно, порождая все перечисленное, тем самым становятся как бы *ячейками общественной реакции*; как бы ни были крохотны и незначительны эти ячейки в круговороте нашей жизни, *они делают свое медленное дело неуклонно*. Потому, будучи глубоко убежден в правоте своих выводов, «снованных на личном опыте, и видя в этом дело общественной совести, я обращаюсь к писателям, художникам и устроителям с горячим призывом не участвовать в деле, разлагающем общество, то есть не способствовать размножению породы людей «стиля модерн», дни которых сочтены. Общество интеллигентное и без «вечеров нового искусства» довольно пропитано ядами косности и праздности, и прибавлять хоть каплю в море дурных инстинктов есть дело, недостойное художника и гражданина.

Октябрь 1908